

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Н. Ю. Стоюхина, кандидат психологических наук, доцент
кафедры управления ННГУ им. Н. И. Лобачевского,

А. А. Костригин, старший преподаватель кафедры
психологии РГУ им. А. Н. Косыгина

УДК 929

К 180-летию Федора Александровича Зеленогорского — философа, историка психологии и педагога

Аннотация. В статье авторы обращаются к жизненному пути и научному творчеству философа и психолога Федора Александровича Зеленогорского (1839–1908), учившегося в Нижегородской духовной семинарии, Казанской духовной академии, Казанском и Санкт-Петербургском университетах, изучавшего философию в Германии и Швейцарии, работавшего в Казанском и Харьковском университетах. Авторы приводят

неизвестные факты его биографии, в частности периода обучения в Казани, используя архивные источники. Впервые Ф. А. Зеленогорский обозначается как историк психологии: он оставил большое историко-философское и историко-психологическое наследие, один из первых начал рассматривать психологические аспекты учений древнегреческих философов. Среди древнегреческих философов Ф. А. Зеленогорский обращается к учениям о душе Сократа, Платона и Аристотеля, киническим взглядам Антисфена, Диогена Синопского, гедонизму Аристиппа Киренского, трагедиям Эсхила, Софокла и Еврипида. Обсуждаются идеи Ф. А. Зеленогорского по проблемам преподавания философских наук в средней общеобразовательной и высшей школах.

Ключевые слова: Ф. А. Зеленогорский, Нижегородская духовная семинария, Казанская духовная академия, Казанский университет, Харьковский университет, М. М. Троицкий, история психологии, история философии, архивные материалы, древнегреческие психологические учения, преподавание философии.

Продолжая рассказывать о выпускниках Нижегородской духовной семинарии, внесших свой вклад в развитие психологического знания¹, мы не можем не вспомнить профессора кафедры философии Харьковского университета (1878–1899) Федора Александровича Зеленогорского. Найдя его имя среди 22 имен «выдающихся и известных из питомцев Нижегородской Семинарии на разных поприщах служения»² — профессоров в духовных академиях и университетах, мы решили продолжить поиски и открыли для себя удивительного ученого — философа, логика, историка психологии и философии, педагога и воспитателя. К сожалению, в настоящее время о нем явно недостаточно публикаций, возвращающих нам его имя³.

Федор Александрович Зеленогорский родился в семье сельского священника в Горбатовском уезде Нижегородской губернии в 1839 г. Как он писал в автобиографии, в 1861 г., за год до окончания Нижегородской духовной семинарии, ему предложили учиться в Санкт-Петербургской духовной академии за казенный счет, но «он отказался, в полной надежде,

что через год он, более подготовленный к приемному экзамену, послан будет на тех же условиях в Казанскую духовную академию»⁴. Но один случай едва не изменил его жизненные планы. Открытая в Нижнем Новгороде публичная библиотека пользовалась популярностью у населения, туда же ходили и семинаристы, но «с большим развитием либеральных идей в обществе семинарское начальство усилило со своей стороны бдительный надзор за воспитанниками семинарии и подозрительно стало смотреть на тех из них, которые посещали публичную библиотеку»⁵. И на выпускном экзамене присутствовавший ревизор из местного начальства с подозрением отнесся к ответу Ф. А. Зеленогорского по Св. Писанию, оценив его очень низко и с пометой «Сносится во второй разряд за то, что при ответе на экзамене по Св. писанию говорил ложь и эту ложь подтверждал Св. же Писанием; вообще видно, что он вольного духа»⁶.

Прошел год, за это время семинарское начальство неоднократно ходатайствовало за Зеленогорского перед ревизором, и в 1862 г. усилия увенчались успехом — он поступил в Казанскую духовную академию (КДА) за казенный счет, тем более, что в документах был отмечен как способный студент: «Правлению Казанской Духовной Академии во исполнение предписания его от 5 июня сего 1862 года № 193, Правление Нижегородской Семинарии имеет честь донести, что для поступления в состав низшего отделения Академии Семинарским Правлением, с утверждения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Нектария, Епископа Нижегородского и Арзамасского и Кавалера, избраны окончившие в июне сего 1862 года курс студенты Нижегородской Семинарии Федор Зеленогорский, Евгений Лебедев, Павел Знаменский и Степан Касаткин как благонадежные по способностям, успешные в науках, по поведению и состоянию здоровья, и 1 Августа отправлены из Нижнего Новгорода в город Казань <...>»⁷.

Здесь все свои силы Федор Александрович направил на восполнение своего общего образования, посещая занятия, много читая, делая упор на философские науки, тягу к которым он почувствовал еще в семинарии.

В архиве сохранились документы, подтверждающие учебу в КДА Ф. А. Зеленогорского; вот, например, его оценки за первый год обучения⁸.

Таблица 1. Успеваемость Ф. А. Зеленогорского в КДА на первом курсе обучения (1862/1863 гг.)

Учебные предметы	Оценки
Общая словесность	3 ½
Русская гражданская история	5
Всеобщая гражданская история	3 ½
Физико-математические науки	3
Латинский язык	4
Немецкий язык	2
Французский язык	3
Священное писание	«Успехов очень хороших»
Психология	4, «успехи весьма хорошие»
Логика	«успехи весьма хорошие»

Особенно успешно Ф. А. Зеленогорский занимался по психологии и логике. Преподавателем по психологии в КДА тогда был Михаил Иванович Митропольский (1834–1894)— магистр философии, экстраординарный профессор, преподавал психологию, метафизику, немецкий язык⁹. Программа по психологии была следующая¹⁰.

История психологии

Задача истории психологии и предмет ее. Предметная интерес ознакомления с этой наукою. Разделение на общую и частную.

I,

Общая история человеческого самопознания: различные периоды в развитии этого самопознания и результаты его. Чего остается желать на будущее время науке о человеке и человеческом духе?

II,

Частная история человеческого самопознания и учения о душе. Древне-азиатские или восточные воззрения на человека.

История учения о душе у Греков:

— период первый: от Гомера до Гномиков;

— период второй: а) от Гномиков до Сократа; Результаты до-сократического познания о человеке; б) Сократическое воззрение на человека и учение Сократиков о душе.

— период третий: века научной обработки учения о душе, или развитие первых идей систематической Психологии — от Платона до Неоплатонизма.

Влияние христианства на успехи Психологии и учение о душе, развитое в сочинениях Отцов и Учителей Церкви. Характер Психологии схоластической. Психологические воззрения Мальбранша, Спинозы, Локка, Лейбница и Вольфа. Значение для Психологии учения новейших идеалистов: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Реализм в Психологии. Основатель реалистического направления — Гербарт. Критика этого направления: изложение, разбор и оценка системы Психологии — Бенеке.

Психология (опытная).

Главные задачи, решением которых занимается Психология, и важность этих задач. Понятие об опытной Психологии. Как можно изучать человеческую душу? Точки зрения на предмет? Самостоятельность науки и собственный предмет ее исследований.

Метод Психологии. Источники ее: а) самонаблюдение. Что препятствует развитию и успехам самонаблюдения; б) наблюдение над жизнью других людей.

Трудности наблюдения над другими людьми. Отношение Психологии к прочим философским наукам. Объяснение Психологического понятия о душевных силах и порядок исследования душевной жизни в нашей Психологии.

Логику в КДА читал Кирилл Васильевич Мысовский (1836–1880)— философ и богослов, магистр богословия, профессор, преподавал логику и историю философии. Программа преподавания логики включала:

Введение

Понятие о Логике. Предмет ее. Значение ее в ряду наук. Разделение Логики.

Часть первая.

Элементарные учения (Стихиология).

Предмет Стихиологии: основные законы и формальные продукты мышления; отсюда — разделение на Номологию и Дианоэтику.

А. О законах мышления (Номология)

Понятие о законах мышления. Общій закон соединения, управляющий мышлением, и его моменты. 1. Закон тождества; его значение и приложение. 2. Закон противоречия; его значение и приложение. 3. Закон исключенного третьего; его значение и приложение. 4. Закон основания и следствия; отношение его к первым трем законам.

Б. О формах мышления (Дианоэтика)

*Понятие о мышлении как акте сравнения. Понятия, суждения и умозаключения как формальные продукты этого акта; суждение как основная форма мышления. Мышление *a priori* и *aposteriori*. Мышление воззрительное и дискурсивное. Мышление и отличительные черты его. Отношение слова к мыслительной деятельности.*

1. О понятиях

Определение понятия. Отличие понятия от представления. Образование понятий. Объективное отношение понятий: понятие как количественная величина; а) содержание понятия <...>; б) объем понятия <...>. Обратное отношение между содержанием и объемом. Систематическое увеличение содержания: ограничение и видотворение понятий. Увеличение объема: отвлечение признаков и родотворение понятий. Закон ограничения и отвлечения. Законы видотворения и родотворения. Субъективное отношение понятий: понятие как величина качественная (логическое совершенство и несовершенство понятий). Ясность и разделенность понятий, их темнота и смешанность. Взаимное отношение понятий: а) по объему: подчинение и соподчинение; понятия высшие и низшие; обширнейшие и тончайшие; родовые и видовые; <...>; б) по содержанию (сравнительное значение понятий): понятия сложные, несложные, близкие, сродные, противоположные, тождественные, взаимозаменяемые.

2. О суждениях

Определение суждения. Образование суждений. Материя и форма суждений. Развитие суждений по форме и материи: суждения утвердительные и отрицательные, аналитические и синтетические. Совершенства и недостатки суждений. Разделение суждений на категорические, условные и разделительные.

3. Об умозаключениях

Понятие об умозаключении. Общее суждение как основание умозаключений. Логические способы восходить к общим суждениям: а) наведение (индукция), б) аналогия. Оценка индуктивного и аналогического мышления <...>¹¹.

Возможно, под влиянием М. И. Митропольского и К. В. Мысовского у Ф. А. Зеленогорского сформировался отчетливый интерес к истории философии, психологии и логике. Особенно его увлекало сочинение Л. Бюхнера «Kraft und Stoff», ходившее по рукам среди студентов академии, и труды славянофилов И. В. Киреевского и А. С. Хомякова. И, как считает В. А. Абашник, в этом не было случайности — с 1857 по 1864 г. ректором академии был епископ Иоанн (Владимир Сергеевич Соколов, 1818–1869), доктор богословия, оказавший философское влияние на казанских студентов¹².

В Казанской духовной академии Зеленогорский проучился только два года — с 1862 по 1864 г. Как свидетельствуют обнаруженные нами документы, он вынужден был уйти из КДА после второго курса по причине болезни, о чем писал в своем прошении в Правление КДА 1 июня 1864 г.: «По болезни я не могу продолжать более академического образования и оставаться в Академии. Посему покорнейше прошу Правление Академии уволить меня из Академии. К сему прошению студент Федор Зеленогорский подписуюсь»¹³. Это подтвердил и врач КДА: «Имею честь засвидетельствовать, что студент Зеленогорский уже около года страдает припадками закрытого геморроя (Haemorrhoides Occultas), выражающимися весьма частыми и сильными приливами крови к голове и к легким, отчего происходит одышка и усиленное не только сердцебиение, но и биение ненормальное всех грудных кровеносных

сосудов: все эти припадки усиливаются в зимнее время, когда он должен, при сидячих умственных занятиях, дышать весьма сухим воздухом, зависящим от аммосовых печей. Все эти данные убеждают, по крайнему моему разумению, меня что г. Зеленогорский не может, без вреда для своего здоровья, продолжить академического курса»¹⁴.

Федору Александровичу выдали свидетельство о пройденных курсах, где говорилось: «Свидетельство сие дано из Правления Казанской Духовной Академии бывшему студенту ее Федору Зеленогорскому, который поступил в Академию из Нижегородской Семинарии в августе месяце 1862 года, в числе действительных студентов, и уволен из нее июля 21 дня 1864 г., при поведении, способностях, успехах: в психологии и метафизике — в. хорошо, в логике и истории философии — оч. хорошо, в словесности и истории литературы — оч. хорошо, в истории гражданской общей — в. хорошо, истории русской — в. хорошо, физике — хорошо, математике — хорошо, и языках: Греческому — хорошо, Латинскому — оч. хорошо, Немецкому — хорошо, Французскому — дов. хорошо, арабскому — безуспешно <...>»¹⁵.

Спустя некоторое время, в октябре 1864 г., он продолжил обучение в Казанском университете на историко-филологическом факультете, окончив обучение в 1868 г.¹⁶ Здесь он проходил курс философских наук, которые ему преподавал, в частности, М. М. Троицкий (1835–1899) — на последнем году обучения. В ноябре 1867 г. за трактат «О греческой трагедии» Федор Александрович был награжден серебряной медалью. После окончания учебы Зеленогорского оставили в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию, что произошло не без влияния М. М. Троицкого, который «не имел в виду долго оставаться в Казани, желал приготовить себе преемника на кафедру философии»¹⁷.

В 1870 г. Ф. А. Зеленогорский защищает диссертационную работу «О методических приемах философского мышления Платона» и назначается приват-доцентом философии Казанского университета¹⁸; вскоре его командировали в Санкт-Петербургский университет для углубленного изучения философии, где он под руководством профессоров

Ф. Ф. Сидонского и М. И. Владиславлева начал работу над магистерской диссертацией¹⁹ «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона» (опубликовано в 1871 г.)²⁰.

Два года, проведенные в командировке в Германии и Швейцарии (1871–1873), участие в семинарах профессоров М. В. Дробиша, Э. Г. Целлера и Ф. А. Ланге, знакомство с Г. Когеном в Марбургском университете дали несказанно много для дальнейшей научной карьеры Федора Александровича.

Возвратившись в Россию, он сдал магистерский экзамен по философии в Варшавском университете в апреле 1873 г., где преподавал профессор М. М. Троицкий (1869–1874), и там же защитил диссертацию «Учение Аристотеля...»²¹.

Избрание магистра Ф. А. Зеленогорского на должность доцента кафедры философии историко-философского факультета Харьковского университета произошло 3 ноября 1873 г. С 1874 г. он читал несколько учебных курсов: история философии, логики и психологии, этику и эстетику (на историко-филологическом факультете), логику (на юридическом). Как пишет В. А. Абашник, «с принятием нового университетского устава круг чтения философских дисциплин на несколько лет был ограничен. В этом отношении Федор Зеленогорский писал, что „...преподавание философии в университете сведено было на одно лишь чтение творений Платона и Аристотеля“, поэтому его харьковские лекции и публикации того времени были посвящены, в основном, указанной тематике античной философии»²².

Параллельно с педагогической деятельностью он не оставлял и научной: с 1874 г. начинается работа над докторской диссертацией «Из истории и теории методов исследования и доказательства. О математическом (геометрическом), метафизическом (интуитивном), индуктивном и критическом методах исследования и доказательства» (в окончательном варианте: «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства. Из истории и теории методов исследования и доказательства», 1877), которую

защитил в 1878 г. в Московском университете, получив степень доктора философии. С 1875 г. здесь работал М. М. Троицкий, возглавивший кафедру философии после смерти П. Д. Юркевича,

Сразу же, в 1878 г. Зеленогорского избрали экстраординарным, а потом и ординарным (1882) профессором кафедры философии Харьковского университета, затем, выведенный за штат, он продолжал работать там же до 1908 г.

Научное творчество Федора Александровича включает несколько направлений. В своем диссертационном исследовании В. А. Абашник постарался показать научное наследие Зеленогорского наиболее целостно, но все же больше делая акцент на его философских работах. Нас же интересует другое. Философ П. Л. Лавров писал о состоянии психологической литературы в середине XIX века: «всякий профессор... готовящийся занять кафедру философии или занимающий ее, считает своею обязанностью высказывать свое мнение об этом предмете и прибавить еще тоненькую брошюру, или громоздкий том к психологической литературе»²³. Эта ироническая реплика совсем не относится к Зеленогорскому: он писал работы не по психологии, а по истории психологии, и они до сих пор представляют большой интерес. К. А. Томилин пишет, что интерес Зеленогорского к истории психологии родился из увлечения философией; действительно, «при исследовании душевных явлений философия близко соприкасается с психологией. Не случайно многие философы проявили себя и как оригинальные психологи — Аристотель, Декарт, Беркли, Юм и др.»²⁴.

Первой работой Федора Александровича по истории психологии можно считать магистерскую диссертацию «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона» (1873). Автор искренне восторгается Аристотелем, его трактатом «О душе», считая это первым систематическим изложением учения о душе (первый полный перевод которого так же появляется в это же время²⁵), несмотря на то, что до Аристотеля были известные опыты исследования души у Сократа и Платона. «Аристотель ...не уступал в гениальности ума

двум знаменитым своим предшественникам. Воспользовавшись всем лучшим, высказанным о душе, Аристотель продолжил разработку вопросов психологических»²⁶, привлекая материал «из царства животных», и стал авторитетом в психологических вопросах. Потом, пишет Зеленогорский, долго не было гениев, подобных Сократу, Платону и Аристотелю, и «Трактат о душе» завершил самостоятельные исследования вопросов о душе, где или вносился новый принцип в изучение души, или были открыты новые научные законы душевных явлений с их разъяснением. Ряд вопросов, рассматриваемых Аристотелем, до сих пор пытаются решить психологи, хотя этот трактат «разработан едва ли не менее всех других его трактатов»²⁷.

Зеленогорский не претендует на оригинальность, заявляя, что существует связь между философией Аристотеля и философией Платона, его задача — изложить аристотелевское учение о душе, учтя сжатость и отрывочность изложения источников, что неизбежно приводит к трудностям понимания, попробовав устранить некоторые из них. Каким же образом это делает автор? «Аристотель кратко и отрывочно говорит в трактате по преимуществу о том, о чем подробно говорит и что обстоятельно раскрыл, например, Платон. <...> для нас было определить и указать, что собственно Аристотелю принадлежит в учении о душе, изложенном в его трактате, и что нового внес он в это учение»²⁸, для чего необходимо было «войти в подробности психологического анализа, сделанного Сократом и Платоном». Предваряя предисловием свое сочинение, Зеленогорский подчеркивал, что его предшественников и коллег-философов, изучавших наследие Аристотеля, оно интересовало с точки зрения метафизики, но не психологии, он же как раз и займется этим.

Чрезвычайно интересны его психологические работы о мудрецах, философах, живших в Древней Греции, — Антисфене, Диогене Синопском и Аристиппе Киренском.

Школу циников (киников) Ф. А. Зеленогорский представил двумя персонажами — основателем Антисфеном и его учеником Диогеном

Синопским²⁹, но сначала он описывает странно одетых людей на улицах Афин: «дырявый плащ, вдвое сложенный, один прикрывал их тело; котомка — на спине и палка — в руках. ...спали они, где попало, по преимуществу в портиках, пили одну воду, которую нередко набирали руками»³⁰, по виду нищие, но не нищие; образованные люди, относясь к ним уважительно, «признавали в них ум и образование; нередко удивлялись их силе воли; не чуждались принимать их в своем обществе; только боялись иногда их злой насмешки»³¹. Это были циники — философская секта, чаще называемая философской цинической школой, появившаяся в греческом (или даже в афинском) обществе в связи с изменением его морально-социального состояния и прогрессом философии. Начало этого движения Зеленогорский предлагает искать у Сократа, тем более, что Аристофан называл его циником (кроме Аристофана — более никто), а вот Антисфен традиционно признается основателем школы циников, хотя он учился у Сократа (впрочем, так и не став сократиком).

Какой же он, Антисфен? Диоген Лаэртский запечатлел для нас его черты: непримиримый борец с афинянами, которые так любили удовольствия, красноречивый, остроумный, самолюбивый, тщеславный, храбрый воин, выносливый, аскет — нередко отказывал себе просто в необходимом.

И вроде бы Сократ тоже не приветствовал излишества, он лишь «проповедовал учение об умеренности как основания добродетели»³², ведь «умеренные пользуются свободой выбора среди различных видов благ. Такая свобода выбора возможна при двух условиях: с одной стороны, необходимо знание различных видов благ и их сравнительного достоинства, что отнюдь не исключает опыт, непосредственное знание в жизни, на практике; с другой стороны — полная независимость от всех этих благ, дабы возможен был свободный выбор. Неумеренный уже потому не может сделать выбора, что он исключительно предан чувственным удовольствиям, находится в полной зависимости от них и не стремится к иному рода благам; он может даже не признавать их и не знать. Равным образом и тот, который решительно убегает от всех

удовольствий и радостей жизни, впадает в непозволительную крайность»³³. В суровом аскетизме своего ученика Антисфена Сократ видел тщеславие.

Об Антисфене-философе Зеленогорский пишет, что тот, вслед за Сократом, отрицал умозрительную философию, но пошел дальше — относясь враждебно к умозрениям, «не признавал общих понятий, отвергал определение и отрицал возможность противоречия; все это было не в духе Сократа»³⁴. Антисфен признавал только нравственную философию, и признавал до такой степени, что противопоставлял добродетель законам республики, Сократ же «учил о соблюдении писанных законов, сопоставляя их с неписанными, исполнять которые всякий считает своею обязанностью»³⁵. Мудрец, идеал которого создал себе Антисфен, «не нуждается ни в каких предписаниях и писанных законах, чтобы знать, как вести жизнь; он живет по добродетели, которая ни в чем не нуждается, кроме Сократовой силы»³⁶.

Учение знаменитого ученика Антисфена — Диогена Синопского — дает больше материала для понимания философии циников.

Его положение в обществе было похоже на положение Антисфена; Диоген также выступал против общества и был больше своего учителя «самолюбив, горд и тщеславен»³⁷, на что ему указал Платон, и в аскетизме тоже пошел дальше — «жил в бочке и кроме плаща не имел ничего. Тем с большим презрением относился он к грекам вообще и к афинянам в частности»³⁸, направляя против них свои остроумные замечания.

В философии для него неприемлема была умозрительная философия и философия о природе, например учение Эвклида, но особенным нападкам и насмешкам подверглось учение Платона об идеях, об определении; он высказывался против изучения музыки, геометрии, астрологии и других наук ввиду их бесполезности. «По Диогену, деятельная жизнь нужна человеку. Главная цель человека жить по добродетели», презирая богатство, славу и знатность, борясь с чувственными инстинктами, постоянно упражняя в этом душу, как тело — гимнастикой. Его идеалом жизни была жизнь по природе и по разуму.

Из последующих философов, принадлежащих школе циников, Зеленогорский называет Монима, Мениппа, Кратеса Фивского, его жену Гиппархию и ее брата Метрокла. Именно Кратес, незлобивый и терпеливый, «представляет собой переходную ступень от циников к стоикам: Зенон, основатель стоической школы, был его слушателем»³⁹.

Федор Александрович называл аналогичными циникам учения в истории человечества — это индийские гимнософисты, христианские монахи IV и V вв., средневековые капуцины, Ж.-Ж. Руссо со своим протестом против цивилизации, проповедь Г.Б. де Мабли об абсолютном равенстве всех людей, А. Шопенгауэр со своими последователями, Л. Толстой... признавая, что греческая школа циников — самобытное и независимое явление, «социальное явление без примеси религиозного элемента и мистической философии»⁴⁰.

Следующий большой психологический очерк — об основателе гедонизма Аристиппе Киренском. Зеленогорский сразу обращается к общеизвестной для читателя информации: все знают об эпикурейцах — людях, живущих полной наслаждений жизнью, но вряд ли кому-то понравилась бы жизнь мудреца Эпикура и его окружения: «Одним хлебом и овощами удовлетворялся голод; жажду утоляла чистая вода; разве малая порция вина служила добавлением к этому. Умеренность и трезвость считались высшим благом. Если и говорилось, что высшее благо состоять в удовольствии, то под этим разумелось не иное что, как отсутствие всякого страдания, совершеннейшее спокойствие и невозмутимость духа»⁴¹. Поэтому Федор Александрович уточняет: другой философ древности — *Аристипп Киренский* — основатель *гедонизма*, учения, по которому высшее благо, являющееся целью жизни, состоит в удовольствии и приятной, полной наслаждений, жизни.

Аристипп жил в то же время, что и Сократ (Ксенофон даже называет его учеником Сократа), родом он был из греческой колонии в Африке — в Кирене — богатом торговом городе, где греческая цивилизация соединялась с восточной роскошью и изнеженностью, свойственным и молодому Аристиппу, по предположению Зеленогорского.

Перебравшись в Афины, Аристипп знакомится с Сократом, но не следует за ним. В сохранившемся диалоге Сократ спрашивает Аристиппа, к какому типу людей тот принадлежит: к тем, кто сильны и физически, и духовно, господствуют над страстями и над другими людьми, или к тем, кто будет всегда повиноваться? В ответ он слышит, что Аристипп не принадлежит ни к тем, ни к другим: «я не желаю разделять участь подчиненной толпы; вместе с тем я не имею склонности к жизни правителя со всеми трудностями, опасностями и т. д., которые неразлучны с этою жизнью. Я предпочитаю *средний путь*: не желая управлять, ни быть управляемым, я хочу быть *свободным*. Свободу я считаю лучшею гарантией счастья. Я желаю *проводить жизнь легко и приятно*, насколько это возможно»⁴².

Как же он осуществлял программу своей жизни? Он выбрал бродячую жизнь, жизнь чужестранца, что давало возможность не признавать себя зависящим от какой-либо власти, но везде — свободным. На слова Сократа, что в любом обществе чужестранец находится в худшем положении, чем гражданин, Аристипп ответил своим правилом: «неприменно *приспосабливаться к лицу, месту, времени и вообще к обстоятельствам*»⁴³, не признавая *общепринятой морали*. Он дружил потому, что считал возможным *эксплуатировать другого ради личной пользы и удовольствия*; к браку не стремился, *предпочитая общество куртизанок и гетер*; не признавал богов и бессмертия души, ведь все это — суеверие и предрассудки, от которых прежде всего человек должен освободиться, чтобы не испытывать ложного страха и угнетения духа; любил театр и творения художников; с удовольствием слушал Сократа, следя за его диалектическим искусством; скептически относился к идее развития человека, потому что прогресс и цивилизация отдаляют человека *от природы* и от естественности, а в *природе* все живые существа любят удовольствия, стремятся к ним, избегая страданий. «Все вышеприведенные взгляды и убеждения, а равно и образ жизни, в состоянии, по мнению Аристиппа, отстранить от человека множество зол, хотя с общечеловеческой точки зрения они лишают человека в жизни весьма многих лучших и возвышенных

благ и удовольствий, которые стали ему возможны и доступны лишь с развитием человечества, живущего обществами»⁴⁴. К философии он относился так же, прагматически,— ради пользы жизни он ее превозносил: «она, говорит Аристипп, научила меня обращаться с людьми без подобострастия»⁴⁵. «Если бы были уничтожены все законы, жизнь философа не изменилась бы». Аристипп признавал только удовольствие *в движении*, удовольствие активное и осознаваемое, «что не сознается вами, то не существует для нас; что слабо сознается, то равносильно дремоте»⁴⁶.

Его философия, по мнению Ф. А. Зеленогорского, такова: наши *субъективные состояния или аффекты* — первые предметы нашего знания, притом *единственно верные и непогрешимые*, поэтому изучение природы не имеет смысла, так как ее знание для человека недоступно. Наши состояния бывают *приятные, к ним нас влечет природа, и неприятные, которых мы избегаем*. «Настоящие удовольствия следует предпочитать тем удовольствиям, которые зависят от памяти, т. е. являются при воспоминании о прошедших удовольствиях, а также — удовольствиям, которые ожидаются в будущем; те и другие удовольствия, т. е. зависящие от памяти и воображаемые в будущем, несовершенны; только настоящее находится в наших руках; будущее не может привести нашу душу *в движение*, так как оно еще не существует; 2) *телесные удовольствия* следует предпочитать душевным удовольствиям. Телесные удовольствия интенсивнее, чем душевные, равно как телесные страдания интенсивнее, чем душевные; 3) не следует гоняться за общим высшим благом, которое состояло бы в непрерывном удовольствии; нужно переживать в жизни *частные удовольствия*, какие встречаются по пути и каких можно достигнуть собственными усилиями; общее благо, состоящее в непрерывном удовольствии, неосуществимо и для мудреца, не говоря об обыкновенном смертном; достаточно, если он достигнет в жизни наибольшей суммы удовольствий; 4) по пути к интенсивным телесным удовольствиям, которые, как сказано, имеют преимущество пред всеми другими удовольствиями, не следует пренебрегать никакими другими

удовольствиями»⁴⁷. Аристипп считал, что с точки зрения получаемого блага, честные и нечестные удовольствия одинаково ценны, философ же должен наблюдать за тем, чтобы не поплатиться за бесчестное удовольствие, осуждаемое существующим законом и принятым обычаем.

Стоит ли говорить, что Федор Александрович был блестящим знатоком древнегреческой культуры?.. Свою работу «Греческие трагики и софисты» о литературно-философском движении в Афинах после персидских войн он написал для читателей-студентов, считая, что, ознакомившись со статьей, они лучше могут понять учения Сократа и диалоги Платона. Эта, в общем-то, небольшая работа наполнена психологическим анализом трагедий знаменитых авторов *Эсхила, Софокла и Еврипида, размышлениями о влиянии на них философских учений великих мудрецов, психологическим разбором поступков главных их героев.*

Например, автор пишет о Софокле, что тот «в своих трагедиях обыкновенно ставит себе задачу психологическую — показать зрителям, как известная страсть, овладевшая человеком, при известных обстоятельствах растет и постепенно затемняет рассудок, — как вследствие этого человек начинает делать промахи и глупости, которые в свою очередь усиливают страстное состояние, осложняя его новыми чувствами, и как, наконец, настает такое безвыходное положение человека, за которым большей частью следует или самоубийство, или самоистязание (Эдип), или другие сильные страдания»⁴⁸;

об Эдипе: «Тот же „идеальный зритель“, т. е. хор и здесь говорит: „сколько они могут понять, им кажется, что его (Эдипа), речи внушены ему гневом и что теперь не такое время, а надлежит, как лучшее, исполнить веление бога“ (404–7 ст.), фивский мудрец в своей излишней ревности к своей царской власти дошел до умственного ослепления и, забывши о страдании народа, занялся исключительно своей личностью, несмотря на напоминание хора, что теперь не такое время... Таким образом, неблагоприятные обстоятельства явились для Эдипа пробным камнем и снова вызвали в нем ту запальчивость природы, по которой, конечно, совершилось и убийство отца; он явился снова на пути к тому,

чтобы в гневе и запальчивости совершить новое преступление. Каково же было его положение, когда все раскрылось и он увидел себя великим преступником! Лишение глаз, которые он вырвал у себя собственными руками, и удаление в пустыню были естественным следствием этого положения»⁴⁹;

о Еврипиде: «он увлекался философией вообще и в частности — философией Анаксагора. Последняя повлияла на него, как можно полагать, другой стороной, чем на Софокла; он увлекался естественными законами природы, не требующими вмешательства богов; поэтому он открыто восстал в своих трагедиях против Гомеровских богов. Его деятельность, как трагика, совпадает уже с периодом появления *софистов*. Несколько мыслей, высказанных им в трагедиях, которые имеют общее с мыслями, высказываемыми в то время софистами, послужили к тому, что его стали считать солидарным этим последним. Указывают и на Сократа, в обществе которого обращался Еврипид, но наибольшее влияние на Еврипида, конечно, имел Софокл своими трагедиями»⁵⁰.

С большим интересом читается рецензия Зеленогорского на труд его ученика, а потом — профессора классической филологии — Алексея Николаевича Деревницкого (1859–1943), в 1891 г. написавшего докторскую диссертацию «О начале историко-литературных занятий в Древней Греции», где одним из официальных оппонентов был Федор Александрович. По результатам защиты Деревницкому была присвоена степень доктора греческой словесности⁵¹. Зеленогорский опубликовал объемную и подробную критическую рецензию на труд своего ученика, в целом положительно отзывавшись на него, найдя много достоинств и еще раз обнаружив свои фундаментальные знания и владения темой античной философии. Среди замечаний обращают внимание такие, казалось бы, поправки к мелким подробностям жизни древних греков, о которых пишет А. Н. Деревницкий: «музей перипатетиков представлял собою род общежития, интернат»⁵². Зеленогорский поправляет автора: «по нашему убеждению, в музее перипатетиков общежития и интерната не существовало»⁵³ и на основании подробного разбора свидетельств

Диогена Лаэртция (почти 2 страницы текста) показывает, что «автор просмотрел в источниках больше, чем они дают нам»⁵⁴.

Зеленогорский был большим знатоком истории философии, приведшей к убеждению, что «развитие их шло рука об руку с развитием естественных наук и в зависимости от последних»⁵⁵. Написание очерков развития психологии с Декарта до современности его подтолкнула статья английского историка Колье, в которой он увидел готовую программу для выполнения задуманной им цели: «желание сообщить несколько специальных сведений об историческом развитии науки, в самобытности и существовании которой доселе существуют у некоторых сомнения»⁵⁶. Представители психологии — Рене Декарт, Томас Гоббс, Бенедикт Спиноза, Френсис Бэкон, Френсис Глиссон, Готфрид Лейбниц, Джон Локк, Джордж Беркли, Дэвид Гартли, Шарль Бонне, Роберт Броун, Джемс Милль, Джон-Ст. Милль — предметом своего изучения сделали «те психические явления, в которых наиболее очевидно действие закона необходимости,— сосуществующие ли то явления или последовательные. Отсюда является у психологов XVII и XVIII столетия некоторая односторонность исследований и ограниченность явлений, составляющих круг их изучения. Самым выдающимся фактом в истории эмпирической психологии XVII и XVIII столетий является стремление вытеснить из психологии схоластическое учение „о свободной воле“ и создать теорию „философской необходимости“»⁵⁷, что вывело изучение вопроса о воле на более научный путь. Еще на одну особенность изучаемого периода и авторов указал Зеленогорский: в ряду перечисленных психологов почти нет чистых материалистов, но развитию материализма, безусловно, способствовали результаты, добытые научной психологией.

Автор сделал оговорку относительно своего заголовка: в книге представлена не вся история развития психологии в указанный период, а лишь «ступени развития психологии в одном только направлении», которое Колье определял так: «каждая ступень в развитии психологии (с Декарта до настоящего времени) соответствует такой же ступени в эволюции естественных наук; каждое психологическое развитие имеет

свою причину и условием такой же шаг (в развитии естествознания); прогресс психологии в основных истинах и ее более полное освобождение от теологии и метафизики могут быть измерены периодами, когда физические методы, физические концепции и физические термины в переносном смысле были прилагаемы к истолкованию фактов духа»⁵⁸.

Мы должны отметить еще одну сторону деятельности Федора Александровича Зеленогорский — педагогическую. Отношение к нему как педагогу и ученому видно из адреса: «Дорогой Федор Александрович! Мы все, Ваши товарищи по факультету, сердечно приветствуем Вас по случаю исполнившегося тридцатилетия Вашей учено-педагогической деятельности и просим принять это приветствие, как знак нашего искреннейшего уважения к Вам, как солидному ученому и профессору, достойному представителю занимаемой Вами кафедры в здешнем Университете, а по коллегиальным отношениям — безукоризненно честному, прямому, неизменно-верному своим убеждениям и твердому в правилах товарищу. Харьков, 11 февраля 1899 г.»⁵⁹.

И его статьи по вопросам педагогики и преподавания философских наук ясно свидетельствуют об осознании важности этих вопросов. Так, сопоставляя позиции античных философов и философов эпохи Просвещения, разделяя сократовско-платоновское понимание знания и опытного приобретения знания, Зеленогорский указывает на важность воспитания через формирование мотивации, как внешней, так и внутренней. «Психология говорит нам: все, что доставляет нам удовольствие, способствует подъему нашей жизни; напротив, страдание разрушает нашу жизнь. Сумейте сделать так, чтобы изучение той или другой науки по возможности было приятно для изучающего. Мы знаем, что стимул ожидаемого удовольствия заставляет детей учить урок; но какой стимул? обещание им того или другого подарка, к чему нередко прибегают родители и воспитатели»⁶⁰. Большие надежды Федор Александрович возлагал на сократовский метод, помогающий не только воспроизвести то, что кажется забытым, но и организует знания при помощи логики: «могущественное действие классификации для организации знаний, для

удержания их в памяти и для воспроизведения...; широкое применение аналогии в воспроизведении знаний; приведение изучаемых явлений к причинам, их производящим»⁶¹. Классные сочинения, письменные упражнения необыкновенно важны для развития самостоятельности учеников, ведь «составление и написание сочинения бывает настоящей пыткой для учащихся и результаты получаются нередко самые плачевные. Это зависит в значительной степени от незнания логики <...> Логика стоит в тесной связи с психологией, с которой ученики также должны быть ознакомлены хотя бы в кратком очерке»⁶². Ф. А. Зеленогорский пишет то, что сейчас в педагогической психологии признается как аксиома: формирование внутренней познавательной мотивации на школьных занятиях ведет к нравственному развитию ребенка, потому что собственные усилия приводят к самоудовлетворению, если труд имеет результаты; а если эти результаты одобрены значимым взрослым, то — вдвойне, «через это будет поддерживаться подъем духа воспитанников и энергия к труду»⁶³.

Две статьи Ф. А. Зеленогорского посвящены теме, ставшей актуальной в самом конце XIX — начале XX в.: о преподавании философских дисциплин в средней общеобразовательной и высшей школе. Общественность, тревожащаяся за будущее молодых людей, чье обучение было обеднено отсутствием какой-либо философской дисциплины в программе гимназий, предлагала ввести различные дисциплины: философскую пропедевтику, психологию, логику. П. Д. Боборыкин на заседании Философского общества при Санкт-Петербургском университете в январе 1899 г. говорил: «неужели нет повода желать, чтобы и у нас, в наших средних учебных заведениях, давалась хотя бы некоторая подготовка философского характера?»⁶⁴ и предлагал ввести психологию, где можно будет сообщать юношам, «вне уроков закона Божия, о каких-либо устоях того, что называется мирозерцанием»⁶⁵.

Зеленогорский рассуждал о той учебной дисциплине, которая бы формировала патриотизм, национальный дух, критическое отношение учащихся к вредным внешним влияниям, поочередно рассматривая

различные учебные дисциплины. Так, хорошо бы заменить изучение латыни древнегреческим языком, за это говорят следующие факты: «греки положили начало многим наукам, которые теперь развиваются на твердо положенных основаниях. Философская мысль нигде не развивалась так напряженно и усиленно, как в древней Греции; диалектика мысли доведена до высшего совершенства. Этим философским духом проникнуты все исторические, политические и литературные произведения древних греческих авторов. <...>история нашей культуры указывает на связь ее с византийской»⁶⁶. Но все же Федор Александрович понимает, что древнегреческая литература — не для средней школы...

Также он не считает естествоведение преобладающей дисциплиной, несмотря на большое развивающее значение; то же относится и к преподаванию отечественного языка и литературы, отечественной истории и географии и т. д. И вообще, Зеленогорский сомневается, что русские ясно представляют себе, в чем состоит национальный дух, к тому же, «национальное воспитание находится в связи с воспитанием нравственным и гражданским»⁶⁷. Вот здесь — в нравственном воспитании — и видит Зеленогорский пробел в учебном плане школы. Несмотря на законоведение, на Закон Божий, на примеры нравственного поведения в семье, в старших классах, когда «пробуждаются новые инстинкты; они вызывают новые чувства и эмоции; под влиянием последних рождаются новые идеи; особенно сильно развивается самосознание, сознание своей личности»⁶⁸, требуется еще что-то, а именно помощь в решении этических вопросов, т. е. нужно ввести преподавание этики. «Коль скоро этические вопросы становятся предметом рассуждения и доказательств, то и решение этих вопросов возможно только на почве логики и науки»⁶⁹ — заключает он.

В следующей статье, посвященной преподаванию философии в университетах, Федор Александрович продолжает начатую тему. Он задается вопросом: кто же будет преподавать этику в средней школе, если в университетах этика не преподается? Этот вопрос подтолкнул Зеленогорского к размышлению о положении философии в университете.

Недостаточно уверенное положение философии может привести к некритическому отношению интеллигенции к материализму Бюхнера, Фохта и Молешотта, антирелигиозному направлению философии Людвиг Фейербаха, позитивизму Конта, эволюционизму Спенсера и Дарвина, пессимизму Шопенгауэра и Гартмана, английскому утилитаризму и немецкому социализму, наивной философии графа Л. Толстого, антиморальной и антисоциальной философии Ницше. А далее, пишет Зеленогорский, «наше интеллигентное общество также легко и быстро перейдет к спиритуализму, но не следует забывать, что при этих условиях оно столь же легко и быстро может перейти к мистицизму и религиозному экстазу, или фанатическому пиетизму, враждебному науке и цивилизации, как это и было одно время раньше»⁷⁰. Философия читается в столь малых объемах, что она почти не производит влияния не только на общество, но и на университетскую молодежь, да и слушателями являются два-три десятка студентов историко-филологического факультета. А ведь было бы правильно, если бы курсы философских наук читались и на других факультетах, чтобы преподаватели средней школы были «проникнуты сознанием связи всех наук, преподаваемых в школе, и всеми силами стараться содействовать изучению их, насколько это зависит от каждого из них, не замыкаясь в узкие пределы своей специальности. Это сознание они должны вынести из университета чрез штудирование философских курсов»⁷¹.

Работая больше 30 лет на кафедре философии Харьковского Императорского университета, Федор Александрович Зеленогорский воспитал множество учеников, среди которых были будущие профессор философии и психологии П. Э. Лейкфельд, профессор-историк, академик В. П. Бузескул, профессор классической филологии А. Н. Деревицкий, искусствовед А. М. Миронов, психолог и педагог С. А. Ананьин, критик, писатель, преподаватель Е. М. Гаршин и др.

Библиографический список

1. *Абашиник В. А.* Зеленогорский Федор Александрович: некрополь // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 2. С. 56–57.
2. *Абашиник В. А.* Философия в Харьковском университете: история институций, трудов и персоналий (1804–1920). Дис. ... докт. философ. наук. Харьков, 2015. 483 с.
3. *Абашиник В. А., Стоюхина Н. Ю.* Зеленогорский Федор Александрович: данные биографии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 2. С. 18–22.
4. Адрес Ф. А. Зеленогорскому, профессору Харьковского университета от историко-философского факультета в день 30-летнего юбилея учено-педагогической деятельности. Харьков, 1899. 2 с.
5. *Зеленогорский Ф. А. А.* Деревицкий. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков 1891 // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч. 280. Апрель. Отд. II. С. 406–416.
6. *Зеленогорский Ф. А.* Автобиография // Зеленогорский Ф. А. О методах исследования и доказательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 11–17.
7. *Зеленогорский Ф. А.* Аристипп Киренский, основатель гедонизма // Вера и Разум. 1892. Т. II. Ч. I. С. 367–379.
8. *Зеленогорский Ф. А.* Греческие трагики и софисты. (Литературно-философское движение в Афинах после персидских войн). Харьков, 1890. 44 с.
9. *Зеленогорский Ф. А.* О преподавании философии в университете // Мирный труд. 1903. С. 147–154.
10. *Зеленогорский Ф. А.* Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени. Харьков: Университет. тип., 1885. 195 с.
11. *Зеленогорский Ф. А.* Природа и жизнь по природе по Аристотелю // Вера и Разум. 1891. Т. II. Ч. II. С. 187–208.
12. *Зеленогорский Ф. А.* Пробел в учебном плане средней общеобразовательной школы // Мирный труд. 1903. С. 41–48.
13. *Зеленогорский Ф. А.* Самодеятельность как принцип в воспитании // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 329. Май. Отд. 3. С. 13–24.
14. *Зеленогорский Ф. А.* Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с.
15. *Зеленогорский Ф. А.* Циники (психологический, моральный и социальный этюд) // Вера и Разум. 1891. Т. II. Ч. I. С. 97–121.
16. *Костригин А. А.* Русские переводы трактата Аристотеля «О душе» (В. А. Снегирев и П. С. Попов) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 294–298.

17. *Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю.* Жизнь и психологическое наследие В.А. Снегирева // Труды Нижегородской духовной семинарии. Вып. 15. Н. Новгород, 2017. С. 191–216.
18. *Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю.* Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX — начале XX в.: определение понятий, границы направлений // Психология и Психотехника. 2016. № 9. С.755–765.
19. *Серебряков Ф.Ф.* Философское образование и философская мысль в Казанском университете: Учебное пособие. Казань: Казанский гос. университет, 2009. 145 с.
20. *Стоюхина Н.Ю.* Богослов, философ и психолог протоиерей Николай Михайлович Боголюбов: судьба и творчество // Труды Нижегородской духовной семинарии. Вып. 14. Н. Новгород, 2016. С. 69–161.
21. *Тихов А.* Краткая памятная историческая записка Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород: Тип. губ. правления, 1905. 83 с.
22. *Ткачук М.Л.* Зеленогорський Федір Олександрович // Філософська думка в Україні: Біобібліографічний словник. К., 2002. С. 76–77.
23. *Томилин К.А.* Философско-логические идеи Ф.А. Зеленогорского // *Зеленогорский Ф.А.* О методах исследования и доказательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 3–10.

Примечания и библиографические ссылки

1. *Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю.* Жизнь и психологическое наследие В.А. Снегирева // Труды Нижегородской духовной семинарии. Вып. 15. Н. Новгород, 2017. С. 191–216. *Стоюхина Н.Ю.* Богослов, философ и психолог протоиерей Николай Михайлович Боголюбов: судьба и творчество // Труды Нижегородской духовной семинарии. Вып. 14. Н. Новгород, 2016. С. 69–161.
2. *Тихов А.* Краткая памятная историческая записка Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород: Тип. губ. правления, 1905. С. 75.
3. *Абашиник В.А.* Философия в Харьковском университете: история институций, трудов и персоналий (1804–1920). Дис. ... докт. философ. наук. Харьков, 2015; *Абашиник В.А., Стоюхина Н.Ю.* Зеленогорский Федор Александрович: данные биографии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 2. С. 18–22; *Серебряков Ф.Ф.* Философское образование и философская мысль в Казанском университете: Учебное пособие. Казань: Казанский гос. университет, 2009; *Ткачук М.Л.* Зеленогорський Федір Олександрович // Філософська думка в Україні: Біобібліографічний словник. К., 2002. С. 76–77.
4. *Зеленогорский Ф.А.* Автобиография // *Зеленогорский Ф.А.* О методах исследования и доказательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 11–17.
5. Там же.

6. Там же.
7. Государственный архив республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2137а. Л. 12–12 об.
8. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2174. Л. 14–40.
9. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2581.
10. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2174. Л. 24.
11. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2174. Л. 26–26 об.
12. *Абашиник В. А.* Философия в Харьковском университете... Указ. изд. С. 277.
13. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2371.
14. Там же.
15. Там же.
16. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 2. Д. 929.
17. Цит. по: *Серебряков Ф. Ф.* Философское образование и философская мысль в Казанском университете. Указ. изд. С. 62.
18. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 5490; Ф. 977. Оп. 12. Д. 916.
19. *Абашиник В. А.* Философия в Харьковском университете... Указ. изд. С. 279.
20. *Серебряков Ф. Ф.* Философское образование... Указ. изд. С. 63.
21. *Абашиник В. А.* Философия в Харьковском университете... Указ. изд. С. 282.
22. Там же. С. 283.
23. *Лавров П. Л.* Разные направления в психологии // Журнал словесности, наук и логики. 1863. Т. 177. С. 1–20. С. 1.
24. *Томилини К. А.* Философско-логические идеи Ф. А. Зеленогорского // *Зеленогорский Ф. А.* О методах исследования и доказательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 3–10. С. 6.
25. *Костригин А. А.* Русские переводы трактата Аристотеля «О душе» (В. А. Снегирев и П. С. Попов) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 294–298.
26. *Зеленогорский Ф. А.* Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. VIII.
27. Там же. С. IX.
28. Там же.
29. *Зеленогорский Ф. А.* Циники (психологический, моральный и социальный этюд) // *Вера и Разум.* 1891. Т. II. Ч. I. С. 97–121.
30. Там же. С. 97.
31. Там же. С. 98.
32. Там же. С. 102.

33. Там же. С. 103.
34. Там же. С. 107.
35. Там же. С. 108.
36. Там же.
37. Там же. С. 110.
38. Там же.
39. Там же. С. 117.
40. Там же. С. 119.
41. *Зеленогорский Ф. А.* Аристипп Киренский, основатель гедонизма // *Вера и Разум.* 1892. Т. II. Ч. I. С. 367–379. С. 367.
42. Там же. С. 369.
43. Там же. С. 370.
44. Там же. С. 371.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же. С. 275.
48. *Зеленогорский Ф. А.* Греческие трагики и софисты. (Литературно-философское движение в Афинах после персидских войн). Харьков, 1890. С. 11.
49. Там же. С. 15.
50. Там же. С. 21.
51. *Абашник В. А.* Философия в Харьковском университете... Указ. изд. С. 305–306.
52. Цит. по: *Зеленогорский Ф. А. А. Деревницкий.* О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков, 1891 // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1892. Ч. 280. Апрель. Отд. II. С. 406–416. С. 413.
53. Там же.
54. Там же. С. 415.
55. *Зеленогорский Ф. А.* Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени. Харьков: Университет. тип., 1885. С. II.
56. Там же. С. III.
57. Там же. С. IV.
58. Там же. С. V.
59. Адрес Ф. А. Зеленогорскому, профессору Харьковского университета от историко-философского факультета в день 30-летнего юбилея учено-педагогической деятельности. Харьков, 1899. 2 с.

60. *Зеленогорский Ф. А.* Самодеятельность как принцип в воспитании // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 329. Май. Отд. 3. С. 13–24. С. 20.
61. Там же. С. 22.
62. Там же. С. 23.
63. Там же. С. 24.
64. *Боборыкин П.* Философия в гимназиях // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. II (47). С. 113–145. С. 141.
65. Там же. С. 142.
66. *Зеленогорский Ф. А.* Пробел в учебном плане средней общеобразовательной школы // Мирный труд. 1903. С. 41–48. С. 43.
67. Там же. С. 46.
68. Там же. С. 47.
69. Там же. С. 48.
70. *Зеленогорский Ф. А.* О преподавании философии в университете // Мирный труд. 1903. С. 147–154. С. 150.
71. Там же. С. 154.

